

Алексей Владимирович Белозерцев
г. Шадринск

Анализ коммуникативной ситуации перевода

В статье рассматриваются спорные решения переводчиков о поверхностном подходе к анализу коммуникативной ситуации перевода. Приводятся предположения о причинах искажения содержания художественного текста оригинала, которое возникает, когда при межъязыковом посредничестве во внимание не берётся специфика отдельных элементов коммуникативного акта между автором и читателем. По отдельности рассматриваются такие структурные элементы коммуникативного акта, как: адресант, адресат, сообщение, код, канал, шум, коммуникативный эффект, коммуникативное время, коммуникативное пространство, обратная реакция. Затронуты некоторые понятия из теории перевода и стилистики декодирования: переводческая трансформация, модель перевода, тип выдвижения, коннотативное значение и т.д. В результате проведённых дескриптивно-аналитических операций автор умозаключает, что переводчик художественного текста должен ограничиваться коммуникативной ролью посредника, обеспечивающего возможность контакта между носителями разных коммуникативных кодов, – но не исказить когнитивную систему текста оригинала.

Ключевые слова: перевод, коммуникация, структура, элемент, фактор.

Aleksei Vladimirovich Belozertsev
Shadrinsk

Translation communication act analysis

The article covers disputable translators' decisions concerning the unscrupulous approach to analyzing communication acts mediated with translation. Some speculations are provided concerning causes of distortion of the content to be found at translating fiction texts. Those arise when specific features of communication act elements are not taken into account. Some basic communication act elements are given a more profound consideration. Some concepts and terms of Translation Theory and Decoding Stylistics are dealt with. The author concludes that a translator is not to go further than the mediator function. They are to supply readers with the possibility to understand a foreign language original fiction text but not to distort the cognitive system of it.

Keywords: translation, communication, structure, element, factor.

Современная литература изобилует устремлениями авторов к неожиданной, а иногда – даже немислимой развязке. Это касается не только детективных жанров, в которых загадка о том, кто же на самом деле является преступником, должна сохраняться как можно дольше. Такой тип выдвижения [1] как «обманутое ожидание» становится всё более эффективным оружием в борьбе за внимание и интерес читателя (которого удивить – всё сложнее) и, следовательно, за популярность писателя (которая всё больше уходит к достижению коммерческого успеха).

Такое положение дел предъясняет более острые требования к межкультурной компетентности переводчика, работающего в области художественной литературы. Передки случаи использования дословности и внешней к стилю шаблонности в переводе, когда из внимания упускаются требования не только к применению трансформаций конкретизации, модуляции или целостного преобразования – операции элементарной дифференциации значений [2] не находят своего должного применения. В результате мы получаем стабилизацию и закрепление в описании повседневного речевого взаимодействия таких оборотов как «дать отбой» (вместо изжившего себя с развитием телекоммуникационных технологий «повесить трубку») или «молодая женщина» (вместо обросшего семантикой межличностных отношений «девушка»).

С одной стороны, бросается в глаза погоня за скорейшим выпуском в печать актуального (пока

что) продукта – быть первым среди опубликованных, «срубить куш» раньше всех остальных, опередить жадных до прибыли конкурентов. С другой стороны, становится неприятно модным – бросить труд недоделанным и перейти к новым задачам. Разумеется, эти недоработки можно подать как специально организуемую возможность для читателя – самому рационально осмыслить картину мира, предлагаемую в произведении, покритиковать недостаточно скрупулёзную работу переводчика (знать, как лучше, – первое в рейтинге современных хобби). А в конечном итоге – читатель получает «полуфабрикат» перевода, который далеко не всегда «удобоварим» и кардинально искажает истинные представления об авторе и замысел, вложенный им в произведение.

Однако вернёмся к вопросу о межкультурной компетентности переводчика. Если мы соглашались и постулируем, что перевод – это межкультурная коммуникация, то имеет смысл более глубоко рассматривать структуру коммуникативного акта. Ключевое достижение разработки функционально-коммуникативной модели перевода [3] – обоснование опосредованности коммуникации переводчиком как определяющим коммуникантом – неоспоримо и безоговорочно принято в современной теории перевода. Вопрос – в том, можем ли мы безошибочно пропускать при анализе текста оригинала прочие элементы структуры коммуникатив-

ного акта, считать их очевидными и неизбежно ретранслируемыми. Попробуем взвесить аргументы «за» и «против».

Прежде всего, сфокусируем наше внимание на социальной природе коммуникации, которая происходит в социуме, формально – между автором и читателем.

Социальная коммуникация – это неизбежно двусторонний обмен информацией. Из этого автоматически следуют некоторые выводы:

- если произведение не находит желаемого круга читателей – оно не снискало интерес, что должно стимулировать писателя к новому поиску смыслов;

- текст перевода, построенный на основе текста оригинала – иноязычного произведения, – это уже продукт информационного обмена между автором и переводчиком, то есть не собственно оригинал;

- получаемый конечным читателем текст перевода осмысливается реципиентом как первоначальный, как оригинальное сообщение, но таковым не является;

- понимание опосредованности сообщения ретранслятором-переводчиком входит в круг обязанностей только самого ретранслятора-переводчика и сохраняет за ним ответственность за концептуальную картину мира автора и произведения оригинала;

- обратная связь в этом опосредованном коммуникативном акте, в любом случае, оказывается неизбежной: читатели реагируют на получаемое опосредованно созданное сообщение своими действиями либо бездействием – в зависимости от качества текста перевода;

- собственно переводчик в таком опосредованном им самим коммуникативном акте не является истинным адресатом – он последовательно становится соавтором, то есть вторичным адресантом;

- в равной мере, переводчик не является и истинной обратной связью для автора текста оригинала: собственно массовой коммуникации он не создаёт – он её обеспечивает;

- для конечного реципиента – иноязычного читателя – такая коммуникация уже становится односторонней, поскольку оригинальный адресант исходного сообщения заменён ретранслятором-посредником – переводчиком.

Обращаясь к осмыслению такого элемента типовой структуры коммуникативного акта как «шум», мы вынуждены обнаружить, что переводчик невольно создаёт дополнительный шум внутри опосредуемой им коммуникативной ситуации, где, собственно, коммуникантами выступают автор и аудитория читателей. Шум этот – весьма специфичен: он изначально нацелен на устранение другого фактора шума – более влиятельного – фактора разницы коммуникативных кодов, приемлемых и привычных для коммуникантов. Однако, так или

иначе, наблюдается помеха для передачи концептуальной сетки объёмного сообщения – текста оригинального произведения. Здесь речь идёт не просто о денотативном сегменте семантики (интерпретация переводчиком широко допускает нарушение вербализации узальных для автора образов с их искажением в иные понятийные категории) – коннотативный кластер, на который опирается весь художественный эффект оригинального произведения, неумолимо теряет в системе контрастов и причинно-следственных корреляций событий и явлений в художественном пространстве.

Весьма любопытным фактором становится формальное сохранение физического коммуникативного канала: исходная система графических знаков заменяется на потенциально аналогичную, но другую систему графических знаков – визуальный канал сохраняется, что предварительно обнадёживает читателя-непереводчика и вселяет в него уверенность, что на языке перевода он получает сообщение равнозначного коммуникативного эффекта. Затронутая нами проблема недостаточной межкультурной адаптации текста перевода к несопадающим реалиям исходной и принимающей культур берёт своё начало, как выясняется, именно в поверхностном подходе к анализу поверхностной структуры опосредуемого переводчиком коммуникативного акта.

Следующим элементом структуры информационного обмена нами избран для анализа ранее уже упоминавшийся коммуникативный код. Его смена ведёт к всецелой смене плана выражения, но общепринятые в теории перевода требования к адекватности и эквивалентности продукта перевода не предполагают возникающих порой искажений в плане содержания. Подмена когнитивных концептов – узловых координат произведения оригинала – способна привести к информационному подлогу в сюжетной линии, что неизбежно радикально меняет представления, которые стремился передать автор. По существу, описываемые персонажи при переводе нередко наделяются несвойственными для них характеристиками, что создаёт иную социальную группу их идентификации как личности и нарушает каузально предсказуемые для этих персонажей поступки. Эти отклонения от оригинального дейксиса текста адресанта изменяют содержание сообщения.

Безусловно, печатно зафиксированная речь автора упрощает задачу ретрансляции хронотопа произведения; но нельзя забывать, что этот хронотоп, хоть и прототипичен для реальной действительности, – вымышлен, поскольку отображает художественный мир. Конечный реципиент переведённого текста произведения не должен получать представление, чуждое рамке оригинала. В подобных отклонениях прослеживается удвоение фактора барьера разницы физической среды и временной отнесенности: адресат находится в ином регулярном для него повседневном хронотопе.

Подводя обобщающий итог проводимым нами дескриптивно-аналитическим операциям, можно сделать вывод, что как опосредующий коммуникант переводчик должен обеспечивать возможность контакта между адресантом и адресатом, но не более того. В круг его прав и обязанностей не входит адаптация когнитивной сетки оригинала к

своим собственным представлениям, тем более – в попытках скорейшей ретрансляции продукта. Необходимо помнить, что единожды осуществлённый коммуникативный эффект в социальной коммуникации является необратимым – а это накладывает ответственность за общественное мнение в принимающей иноязычной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – Москва : Флинта, 2002. – 382 с. – Текст : непосредственный.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – Москва, 1990. – 254 с. – Текст : непосредственный.
3. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва : АСТ Восток – Запад, 2007. – 448 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Arnold I.V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta, 2002. 382 p.
2. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, 1990. 254 p.
3. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. Teoriya perevoda [Translation theory]. Moscow: AST Vostok – Zapad, 2007. 448 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

А.В. Белозерцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики германских языков, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: post@lc-poliglot.ru, ORCID: 0000-0001-7595-4544.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

A.V. Belozertsev, Ph. D in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Germanic Languages, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: post@lc-poliglot.ru, ORCID: 0000-0001-7595-4544.